

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Завоеваніе Ливоніи.

I. Историческіе прецеденты. — II. Ливонія въ XVI вѣкѣ. — III. Московское завоеваніе. — IV. Вмѣшательство Европы.

I.

Историческіе прецеденты.

Борьба изъ за господства надъ Балтикой была въ XVI столѣтіи борьбой между наслѣдниками. Наслѣдство осталось отъ Ганзы, великаго политическаго и торговаго союза, разореннаго открытіемъ Новаго Свѣта и безоружнаго передъ алчностью сосѣдей. Это столкновение было грозно по соперникамъ, бросившимся въ борьбу: Швеціи, Даніи, Московскому царству и Польшѣ; оно было грозно также въ виду промышленныхъ, торговыхъ, культурныхъ и религіозныхъ интересовъ, поставленныхъ на карту. До 1540 года Москва играла въ немъ только подчиненную роль, какъ помощница двухъ скандинавскихъ державъ. Но въ разсматриваемую нами эпоху общій врагъ—ганзейцы, были почти побѣждены, и стала неизбежной борьба вчерашнихъ союзниковъ изъ за раздѣла добычи.

Историческія основанія московскихъ домогательствъ были наиболѣе исконными. Что Ливонія и Эстонія составляли часть древней русской державы, доказательства этого можно было найти даже въ лѣтописи Нестора. Перечисляя народы, подчиненные власти варяжскихъ князей, старый лѣтописецъ говорить о ливахъ и чуди, живущихъ по Балтійскому побережью. Впрочемъ, эти указанія достаточно проблематичны. Первая достовѣрная попытка русскихъ утвердиться на Ливонскомъ побережьи восходитъ къ 1030 году. Въ этомъ году, въ княженіе Ярослава Мудраго, былъ основанъ Юрьевъ въ Чудской странѣ. Однако, этотъ захватъ остался непрочнымъ, благодаря

пораженію, которое вскорѣ потерпѣли русскіе отъ сосѣдей—семигаловъ. Въ слѣдующемъ же столѣтіи возникло болѣе опасное соперничество благодаря появленію нѣмцевъ.

Исторія нѣмецкой колонизаціи Ливоніи связана съ основаніемъ Любека Генрихомъ Львомъ въ 1158 году. Купцы этого новаго города въ поискахъ пути въ скандинавскія страны и на далекій востокъ были Колумбами этой Америки. Тогда-то между нѣмцами, русскими и скандинавами возникло соревнованіе изъ-за обладанія теченіемъ Двины, связаннымъ уже со всей рѣчной системой Россіи и даже съ бассейномъ Днѣпра. Въ Ливоніи былъ ключъ отъ Двины, и здѣсь, какъ во многихъ странахъ въ прошломъ и настоящемъ, германская колонизація встрѣтила помощь со стороны тевтонскихъ миссіонеровъ. Во второй половинѣ XII вѣка, августинскій монахъ Мейнхардъ построилъ около города Юкскюль церковь, которая стала резиденціей епископства и центромъ крѣпости. Преемникъ Мейнхарда, епископъ Бертольдъ, цистерціанецъ, былъ прелатомъ въ духѣ Барбароссы: опоясанный мечомъ, онъ служилъ больше ему, нежели кресту. Снабженный въ 1198 году папской буллой, благословляющей его на крестовый походъ, онъ появился въ устьѣ Двины во главѣ флота и арміи. Послѣ цѣлаго ряда успѣховъ и неудачъ честь окончательной побѣды досталась только третьему епископу Ливоніи, Альберту, потомку знаменитой фамиліи города Бремена. Онъ же основалъ Ригу и орденъ меченосцевъ. Организованные по образцу ордена тамплиеровъ, меченосцы находились въ меньшемъ подчиненіи непосредственной власти папы. Во главѣ со своимъ гроссмейстеромъ, жившимъ въ Ригѣ, съ капитуломъ, состоящимъ изъ 5 главныхъ начальниковъ и со всѣми своими рыцарями, одинаково подчиненными авторитету епископа, новое братство сразу создало весьма централизованное государство. Однако, элементъ свѣтскій и монашескій не долго жили въ добромъ согласіи. Скоро завязалась борьба, и орденъ развилъ матеріальную и политическую стороны своей организаціи въ ущербъ своему духовному назначенію. Въ этомъ онъ напелъ свою гибель, встрѣтивъ другихъ соперниковъ.

Рядомъ съ этими рыцарями, на бѣлыхъ мантияхъ которыхъ были красные кресты, въ сосѣдней Пруссіи уже показывались черные кресты рыцарей Германа де Сальза. То былъ отпрыскъ ордена госпиталей Святой Маріи въ Іерусалимѣ, съ 1191 года преобразованный папой въ орденъ госпитальеровъ. Послѣ 1198 г. германскіе князья пре-

вратили его въ духовный рыцарскій орденъ. Въ 1227 году герцогъ Мазовецкій и Куявецкій надѣлили этотъ орденъ славянской землей, къ несчастію, призвавъ его себѣ на помощь, чтобы покорить и обратить въ христіанство язычниковъ пруссовъ. Уже въ слѣдующемъ вѣкѣ Святая Бригитта должна была раскрыть злодѣянія тамплиеровъ и навлекла страшную кару на этихъ лжеапостоловъ, «сражающихся только для того, чтобы питать свою гордость и дать волю своей алчности». Гордые и алчные, они чувствовали себя тѣсно въ своей области, и сосѣдняя Ливонія казалась имъ желанной добычей. Въ 1236 году неожиданный случай создалъ благопріятныя условія для осуществленія ихъ желаній. Меченосцы были почти совершенно уничтожены въ битвѣ съ литовцами на Саулѣ. Сліяніе, желанное для обѣихъ сторонъ, было рѣшено въ Римѣ, и красные кресты исчезли.

При новой комбинаціи все-таки пришлось подѣлиться съ сосѣдями. Въ 1238 году Данія получила Ревель, Харріенъ и Вирландъ. Въ 1242 году, послѣ несчастнаго сраженія съ русскими подъ предводительствомъ Александра Невского на озерѣ Пейпусѣ, черные кресты, уже распространявшіе свою власть на Финское побережье, должны были отступить и оставить свои недавнія пріобрѣтенія.

Въ концѣ XIII вѣка ордену пришлось считаться съ другою враждебной силой. Мощно развившаяся къ этому времени городская буржуазія, выступила противъ рыцарей въ защиту епископовъ. Но она была побѣждена, и около середины XIV столѣтія рыцари торжествовали еще болѣе крупную побѣду: подъ ихъ исключительной властью соединились Курляндія, Ливонія и Эстонія. Данія сохранила надъ своими давнишними пріобрѣтеніями лишь номинальныя права. Ихъ она заставила признать позже.

Однако, то былъ непродолжительный триумфъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ на сцену выступила Польша. 1-го сентября 1435 года войска ордена и русско-литовскій отряды подъ предводительствомъ Свидригайло, коварно направленные Польшей на братоубійственную борьбу, нанесли другъ другу полное пораженіе. Въ то же время прусскіе черные кресты подверглись большей опасности. 15-го іюля 1410 года въ достопамятной битвѣ, была утолена двухвѣковая вражда, чтобы впослѣдствіи, возродившись, вѣчно существовать въ другихъ формахъ. Въ этотъ разъ болѣе справедливо раздѣленные между двумя враждебными лагерями, германскій міръ и нарождающійся славянскій поставили лицомъ къ лицу своихъ избранныхъ воиновъ.

Это былъ великій день Грюнвальдскаго боя, когда цвѣтъ тевтонскаго рыцарства палъ подъ напоромъ польско-литовской арміи Ягелло и Витольда, и могущество ордена рушилось въ прахъ на кровавомъ полѣ этой эпической битвы.

Въ этой борьбѣ Польша ставила на карту свою судьбу. Орденъ готовъ былъ противъ нея заключить союзъ даже со славянами, хотя отъ нея онъ получалъ все, что имѣлъ. Изъ ненависти же къ славянамъ, онъ обращался съ ней, какъ съ наслѣдственнымъ врагомъ, и замышлялъ ея гибель, не останавливаясь ни передъ какими средствами. Еще въ предшествующемъ вѣкѣ онъ началъ работать надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать пріемлемымъ для Швеціи, Венгріи и Австріи планъ ея раздѣла, — первый планъ этого рода (Treitschke, Historische und politische Ansätze, 1867, p. 35. Ср. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ, V. Введ., стр. VI.) Тогда же, въ постоянныхъ попыткахъ предотвратить соглашеніе между Польшей и Москвой, которое должно было стать для ордена роковымъ, онъ пытался усвоить лозунгъ будущей свѣтской Пруссіи: союзъ съ Москвой противъ своихъ благодѣтелей, которымъ платили такой монетой!

День Грюнвальдской битвы на нѣкоторое время ликвидировалъ эти счеты. Принужденные въ слѣдующемъ году принять въ Торнѣ условія мира, которые сократили ихъ прусскія владѣнія, рыцари почувствовали, что и въ Ливоніи имъ угрожаетъ то же польско-литовское соглашеніе, которое они напрасно пытались разрушить. Союзъ же съ Москвой былъ не болѣе, какъ мечтой отдаленнаго будущаго. А пока что, надо было оказать сопротивленіе натиску московской силы. Въ 1483 году между воюющими было заключено перемиріе. Но прежде, нежели оно кончилось, русскіе начали строить у устья Наровы на ея восточномъ берегу Ивангородъ—свою Нарву, угрожающую тевтонской, расположенной на другомъ берегу.

Въ то же самое время орденъ испытывалъ внутреннее разложеніе. Оно было ускорено возникновеніемъ реформаціи и переходомъ на ея сторону Альберта Бранденбургскаго, который былъ гроссмейстеромъ съ 1510 года. Въ 1525 году, когда послѣ одной неудачной войны Альбертъ призналъ сюзеренитетъ Польши надъ своимъ секуляризованнымъ государствомъ, Ливонія обнаружила на Вольмарскомъ ландтагѣ склонность къ такому же шагу. Впрочемъ, у главы ливонскихъ рыцарей, Вальтера Плеттенберга, не хватило на это достаточно рѣшимости. Въ то же время изъ нѣдръ городовъ протестантизмъ рас-

пространялся съ непреодолимой силой, потрясая твердыни братства, проникая вплоть до епископскихъ дворовъ и оставляя въ странѣ лишь внѣшность католическихъ установленій. Это бросало страну въ ту анархію, которая, откуда бы она ни шла, дѣлаетъ катастрофу неизбѣжной. Въ 1554 году преемникъ Плеттенберга, Фюрстенбергъ, заключилъ союзъ съ Москвой. Однако, въ 1557 году, несмотря на видимое пренебреженіе къ Польшѣ, онъ принужденъ былъ явиться къ королю Сигизмунду-Августу въ Позволь и принять оборонительный и наступательный союзъ противъ Москвы. Тогда стало ясно, что Ливонія становится ареной, на которой будутъ состязаться сосѣди въ своихъ интересахъ. Ей нечего было спасать, даже чести.
